

Научная статья

УДК 372.893+930.1

DOI: 10.15293/1813-4718.2202.01

Использование категории «социокультурная идентичность России» в преподавании гуманитарных дисциплин студентам педагогических вузов

Ивонина Ольга Ивановна¹

¹Новосибирский государственный педагогический университет, Новосибирск, Россия

Аннотация. В статье актуализируется проблема использования категории социокультурной идентичности России в процессе преподавания гуманитарных дисциплин студентам, обучающимся в педагогических университетах. Цель статьи – презентация эффективности использования этой категории для формирования социальных, педагогических и профессиональных компетенций студентов-бакалавров, магистрантов и аспирантов. Прослеживая отражение данной категории в работах русских мыслителей, сфокусированных на проблематике цивилизационной идентичности, исторических путей и судеб России, педагог способствует реализации воспитательного потенциала отечественной гуманитарии, способствующей утверждению традиционных ценностей в национальном самосознании российской молодежи.

Методология. Интерактивный диалог с участниками образовательного процесса (лекций, лабораторных занятий, спецкурсов, спецсеминаров и вебинаров, презентаций НИР) позволил определить степень освоения учащимися методов сравнительной и ретроспективной историографии, функционального и цивилизационного подходов, свойственных исследованиям в предметной области интеллектуальной истории, а также методологии и философии истории.

В заключении делается вывод о том, что использование категории социокультурной идентичности России как междисциплинарной по своему дискурсивному статусу позволяет формировать у студентов педагогических университетов компетенции сразу в нескольких сферах современного исторического образования (профессиональной, просветительской, педагогической, научно-исследовательской).

Ключевые слова: социокультурная идентичность России, интеллектуальная история, мультикультурализм, традиционные ценности

Для цитирования: Ивонина О. И. Использование категории «социокультурная идентичность России» в преподавании гуманитарных дисциплин студентам педагогических вузов // Сибирский педагогический журнал. – 2022. – № 2. – С. 7–17. DOI: <https://10.15293/1813-4718.2202.01>

Scientific article

Using the “Sociocultural Identity of Russia” Category in Teaching Humanities to Pedagogical Universities Students

Olga I. Ivonina¹

¹Novosibirsk State Pedagogical University, Novosibirsk, Russia

Abstract. Problem and Aim. The article actualizes the problem of using the category of Russia’s socio-cultural identity in the process of teaching humanitarian disciplines to students study-

ing at pedagogical universities. The purpose of the article is to present the effectiveness of using this category for the formation of social, pedagogical and professional competencies of bachelor, master and postgraduate students. Tracing the reflection of this category in the works of Russian thinkers, focused on the issues of civilizational identity, historical paths and destinies of Russia, the teacher contributes to the realization the educational potential of the domestic humanities, which contributes to the establishment traditional values in the Russian youth national self-consciousness.

Methodology. An interactive dialogue with participants in the educational process (lectures, laboratory classes, special courses, special seminars and webinars, research presentations) made it possible to determine the degree to which students master the methods of comparative and retrospective historiography, functional and civilizational approaches inherent in research in the subject area of intellectual history, as well as methodology and philosophy of history.

In conclusion, it is concluded that the use of the category of socio-cultural identity of Russia as an interdisciplinary one in its discursive status allows students of pedagogical universities to form competencies in several areas of modern historical education (professional, educational, pedagogical, research) at once.

Keywords: russian identity, intellectual History, multiculturalism, traditional values

For citation: Ivonina, O. I., 2022. Using the “Sociocultural Identity of Russia” Category in Teaching Humanities to Pedagogical Universities Students. *Siberian Pedagogical Journal*, no. 2, pp. 7–17. DOI: <https://10.15293/1813-4718.2202.01>

Введение. Постановка проблемы. Переживаемый российским обществом процесс перехода к построению институтов гражданского общества и правового государства в условиях глобализации обострил давние споры о социокультурной идентичности России и русских. Актуальной задачей отечественной гуманитарии сегодня становится воспитание личности, свободно ориентирующейся в пространстве и времени мировой цивилизации, и в то же время сознающей преемственность с историческим опытом и традициями своей страны.

Целью статьи является презентация эффективности использования категории «социокультурная идентичность России» для формирования социальных, педагогических и профессиональных компетенций студентов-бакалавров, магистрантов и аспирантов.

Обзор научной литературы по проблеме. Несмотря на обилие публикаций отечественных и зарубежных авторов, посвященных идейным спорам между представителями «русского европеизма» (в прошлом именуемых западниками) и традиционализма (в прошлом именуемых славянофилами) о путях развития России,

проблематика социокультурной идентичности являлась маргинальной для историков, социологов, политологов, культурологов и философов. Внедрение в лексикон отечественных гуманитариев понятия «идентичность» усилиями зарубежных исследователей в лице Э. Эриксона, Ш. Айзештадта и других [19; 22] придало этой категории междисциплинарный характер, позволяющий использовать ее в работе со студентами разных уровней и профилей обучения. Собственные исследования автора, посвященные проблематике цивилизационной и социокультурной идентичности России [6–8], а также работы зарубежных исследователей [20; 21; 23–25] подтверждают эффективность использования данной категории в научной и учебной деятельности студентов педагогических вузов.

Поскольку в практике Новосибирского государственного педагогического университета (НГПУ) с 2014 г. реализуется интегративный подход к формированию компетенций будущих педагогов, автор счел возможным использовать свой опыт преподавания истории на гуманитарных факультетах (ИИГСО, ИИ, ИФМИП, ФП) на основе интерпретации учащимися кате-

тории социокультурной идентичности России как междисциплинарной.

Методология и методы исследования. Интерактивный диалог с участниками образовательного процесса в ходе лекций, лабораторных занятий, спецкурсов, спецсеминаров и вебинаров, презентаций НИР позволил определить степень освоения учащимися методов сравнительной и ретроспективной историографии, функционального и цивилизационного подходов, свойственных исследованиям в предметной области интеллектуальной истории, а также методологии и философии истории.

Результаты исследования. Обсуждение. Сознание идентичности, необходимое для поддержания устойчивого развития любого социума, предполагает, во-первых, переживание его отдельности, обособленности от других сообществ, с которыми он сравнивает себя в пространстве и времени мировой истории; и во-вторых, представление об уникальности внутренней природы социального организма, его культуры. В идеальном случае культура совпадает с географией и временем развития социального организма: единая и единственная, внутренне цельная аксиологическая система определяет этнический и политический ландшафт социума.

Спецификой поиска российской идентичности в XIX – начале XX в. было одновременное осознание русскими своей отдельности – «особого пути» России и отсутствия четкого сознания своей цивилизационной и культурной принадлежности, невозможности дать ответ на вопрос «Кто мы?». Отметим, что именно он ранее других слагаемых круга «вечных вопросов» («Кто виноват?», «Что делать?», «Куда идем?») стал причиной «ледокола русской мысли», ее стремления преодолеть собственный провинциализм на пути к диалогу культур и цивилизаций.

Проблематика цивилизационной идентичности, исторической судьбы и всемирного призвания России предполагала

осознание уникальности страны как в пространстве мировой истории (относительно других народов), так и в координатах исторического времени (прошлого, настоящего, будущего). Первоначальная постановка проблемы историко-культурной идентичности России была сформулирована представителями русской исторической мысли XIX в. в рамках компаративистской парадигмы.

Исторически и генетически Россия оформилась не в этнократию – национальное государство западного типа, а в многонациональную и поликонфессиональную империю. Имперский универсализм России исключал как этнический, так и религиозный варианты идентификации общественного организма.

Начавшийся с XVIII в. – «нового века русской истории» – процесс секуляризации и модернизации российского социума в XIX в. превратил Россию в особое поликультурное образование, в котором культурные фронтиры не совпадали с этническими границами. Мультикультурализм стал свойством как общества в целом, так и его главной движущей силы – русского этноса.

Ведущие мыслители как либерального, так и традиционалистского толка отмечали культурный раскол именно русского этнического пространства на традиционный аграрно-патриархальный сектор и европеизированный урбанистический анклав; живущие по старинке неграмотные или малограмотные массы народа и устремленную в будущее образованную элиту. Об этом писали и славянофилы (от А. С. Хомякова и И. В. Киреевского до Ф. М. Достоевского и М. О. Гершензона) и их противники (К. Д. Кавелин, С. М. Соловьев, Б. Н. Чичерин) (см. [4; 5; 8]).

Культурный раскол этнического ядра России исключал осознание ее идентичности, обесценивая любой временной интервал ее существования – как прошлое, так и настоящее. Расколотый этнос не смог

обрести своей идентичности в прошлом, поскольку прошлое было предано забвению и отвергнуто этносом во имя настоящего. Тем самым, историческая память, воплощенная в «заветах отцов», «преданьях старины глубокой», утратила статус подлинности для модернизирующейся части социума. Девальвация прошлого и сознательный разрыв с традицией для пусть и малой части этноса в лице прогрессивно мыслящего сословия стали важным фактором формирования исторического релятивизма, скептически относящегося к урокам неведомого, непознаваемого прошлого. Отличительной чертой осознания русскими своей идентичности стала, с одной стороны, историзация национальной культуры, а с другой – модернизация истории: ее дробление на последовательность аксиологических систем в зависимости от актуальности исторического наследия для современного общества.

Связь культурной гетерогенности России с кризисом ее идентичности ясно осознал уже П. Я. Чаадаев, заявивший о том, что Россия не принадлежит ни Востоку, ни Западу, ни прошлому, ни будущему, существуя вне времени и пространства мировой истории. По мнению Чаадаева, идентичность России отсутствует ввиду аморфности ее этнокультурной индивидуальности. Вместе с тем автор фиксировал характерные черты российского социума, используя жестко отрицательные их определения: «мы не принадлежим ни к одному из великих семейств человечества, ни к Западу, ни к Востоку, не имеем преданий ни того, ни другого... Одинокое в мире, мы ничего ему не дали, ничего не взяли у него» [18, с. 24–25].

Причины того, что русские не принадлежат ни Востоку, ни Западу, не имеют ни прошлого, ни будущего, Чаадаев усматривал в изоляционизме византийского варианта религиозности, воспринятого Россией вместе с политическими атрибутами Константинопольской империи. Православие

определило особый тип ментальности и характер исторической эволюции русских. Религиозный запрет на все формы излишеств ограничил русских и в стремлении к материальным формам богатства, и в проявлении творческой инициативы, сформировав в итоге особый психологический тип человека, которому свойственны догматизм, жертвенность, политический сервильизм, моральный аскетизм.

Напряженность религиозной жизни и духовных поисков русских зачастую обесценивала значение их повседневного опыта, девальвируя ценность настоящего. Такая своеобразная философия времени придавала национальному сознанию характер утопии – ретроспективной, если поиск идеалов устремлялся в прошлое, либо перспективной, если русская мысль прорывалась в будущее, отрываясь от проблем невыносимой реальности [7, р. 173–174].

С другой стороны, самодовольная убежденность православных в обладании абсолютной истиной обрекала русских на глубинный консерватизм, препятствующий как восприятию западных ценностей материального успеха, справедливости и права, так и восточных идеалов дисциплины и долга.

Бескомпромиссная критика исторического прошлого России сочеталась у Чаадаева с мессианскими ожиданиями ее способности включиться в общеевропейский порядок, усвоить уроки западной цивилизации и даже пойти дальше своих европейских учителей в разрешении социальных проблем человечества [18, с. 380].

Потенциальный характер русской историко-культурной идентичности, подмеченный Чаадаевым, позволял России актуализировать в будущем как восточные, так и западные компоненты своего исторического бытия. Эта идея предопределила появление двух полярных течений в русском историческом сознании – западников («русских европейцев») и славянофилов (традиционалистов), предлагавших разные,

но одинаково утопичные и умозрительные варианты ответов на вопросы о своеобразии исторического пути России, ее самоопределения относительно других народов и культур [14, с. 253].

Важным результатом растянувшегося на целый век спора западников и славянофилов стало постепенное осознание гетерогенности русской культуры. Постоянное противоборство западных и восточных компонентов социокультурной идентичности России затрудняло формирование той «золотой середины», которая могла бы стать нормативной основой прогрессивного развития российских политических институтов и социально-экономических структур. Кроме того, антагонизм восточного и западного «начал» российской цивилизации существенно замедлял динамику ее развития, предопределяя трагический циклизм русской истории.

Вслед за А. И. Герценом мыслители русского религиозного Ренессанса считали свойственной русскому сознанию философию времени – ахронию – характерным признаком русской ментальности. В исторических нарративах русских мыслителей за эсхатологическими концептами преобразования мира и человека (на путях Революции, Царства Божия, интернационального братства народов и иных преобразений подлинного «лица России») скрывалось стремление к бегству от неприглядной действительности и темного прошлого. Однако за мессианскими проектами спасения человечества скрывалось отсутствие у русских развитого национального самосознания (по крайней мере, в его прагматической форме – в виде осознания национального интереса) [20, р. 316].

Усилиями мыслителей XIX в. в русском сознании была сформирована идеологема «догоняющей модернизации». Идентичность социума увязывалась ею с достижением социокультурной гомогенности страны, следовательно, России суждено было пройти путь западноевропейской эволю-

ции в возможно более сжатые сроки. Такое ускорение считалось главным условием вхождения страны в сообщество цивилизованных народов, разделяющих общие ценности прогресса. Идея догоняющей модернизации была существенным мировоззренческим компонентом идеологии русских «западников». В сфере исторической компаративистики она приобрела статус эталонной, перспективной концепции. Ее существо сводилось к набору следующих тезисов:

1. Россия – страна *потенциально европейская*, но в силу неблагоприятных исторических обстоятельств и давлению враждебного окружения, она вынуждена была изменять не только темпы, но часто и вектор своей эволюции.

2. Естественной защитой от внешних вызовов (неважно, какой природы – социально-экономической, политической или культурной) могло быть только *обращение к традиции как способу выживания социума*.

3. Реванш традиционализма объяснял *вынужденный характер регрессивных изменений* в развитии русского социума (насильственная ориентализация; закрепощение населения со стороны деспотической власти; формирование структур мобилизационной экономики, обеспечивающей устойчивость социума в условиях постоянства внешних угроз и рисков) [11, с. 53–54; 12, с. 31–32].

4. Сущностные (подлинные) черты России проявятся лишь тогда, когда она достигнет уровня развития передовых западных народов. При этом, как правило, *какой-то один социальный организм* (постреволюционная Франция, Британская империя, свободные Соединенные Штаты Америки) рассматривался «западниками» *в качестве образца для подражания*, определяя направленность модернизационных усилий России [4].

Для «западников» будущая культурная гомогенность России отождествлялась с распространением в массовом сознании

таких ценностей, как достижение наивысшей производительности, создание системы рационального управления; воспитание социальной и гражданской ответственности; обеспечение правопорядка на основе верховенства закона, гарантий соблюдения прав и свобод человека. Надежды П. Б. Струве на превращение России из отсталой феодальной в процветающую прогрессивно развивающуюся страну основывались на понимании им тесной взаимосвязи социокультурной идентичности России с идеалом национального государства. Отстаивая проект «Великой России», автор противопоставлял его традиционному имперскому универсализму. Отечественный «западник» стремился к синтезу либерализма и национализма, к соединению правового порядка с политическими привилегиями государствообразующего этноса. По его мнению, Россия должна стать этнократией, классическим национальным государством, а классическая русская культура должна ассимилировать все культурные достижения Запада [13, с. 288].

Другое течение русской общественной мысли – христианская историософия – предложило совершенно иные пути поиска социокультурной идентичности России, став жестким критиком проекта догоняющей модернизации как эталонной концепции «русских европейцев».

Для идентификации России религиозные мыслители использовали абсолютные и универсальные критерии (истины, добра, свободы, социального единства и справедливости), сформированные христианством, а не эмпирические образцы развитых сообществ, достигших уровня массового индустриального производства и парламентской демократии [5, с. 136].

Мировоззренческим основанием русской социокультурной идентичности традиционалисты считали православие как наиболее точную историческую транскрипцию Вселенской Церкви, воплотившую в себе образ духовной целостности

человека, гармонии личности и общества, свободы и полноты бытия. Идеальный образ православия, концентрированным выражением которого стала категория «соборности», превратился в универсальное средство оценки Запада и его религиозных типов – католичества и протестантизма. Неизменный дуализм и конфликтный характер развития Запада объяснялись изначально присущим западному христианству противоречием между разумом и верой, свободой и единством. Этим объяснялась историко-культурная идентичность Запада, отличительными чертами которой считался индивидуализм, резкая социальная дифференциация, культ права и принудительной организации жизни и рационализм мышления [15, с. 129].

России как хранительнице божественного завета во всей его чистоте и цельности суждено было, по мнению представителей христианского историзма, прервать прежний ход мировой истории как манифестации искаженного понимания христианства, восстановив всемирное братство народов на началах свободы и справедливости. Мессианский подвиг России объяснялся высотой и цельностью ее духа, не искаженного грехом национализма – духовной основы исторического развития Запада. Все христианские мыслители считали русскую душу «христианскою по природе». Проявления такого идеального типа религиозности русские мыслители видели в толерантности и миролюбии русских; в напряженном тоне духовных исканий народа, не принимавшего секулярного мировоззрения с его культом индивидуализма и материального успеха; в национальном характере русских, готовых к самопожертвованию и даже национальному самоотречению ради торжества всеобщей справедливости [8, с. 94–95].

Однако такое понимание традиционалистами христианских «начал» русской идентичности следует считать скорее нормативной идеальной конструкцией,

нежели реальной характеристикой отечественной истории и культуры. Напротив, П. Я. Чаадаев и Л. П. Карсавин указывали на нереализованный потенциал социокультурной идентичности страны, А. С. Хомяков, С. М. Соловьев, Н. А. Данилевский, Вл. С. Соловьев настаивали на том, что христианские начала русской жизни всегда искаженно и неполно проявлялись в реальной истории.

Так, в эпоху Киевской Руси сформировалось противоречие между идеалом общественной правды и исторической повседневностью; эгалитаризмом славянского быта и княжеской дружиной, воплотившей в себе дух силы и неравенства; между идеалом соборного единства и политической раздробленностью страны [16, с. 157].

В период Московского царства произошла самая глубокая деформация высокого «начала» русской жизни, определившая характер всей последующей истории России вплоть до реформ Петра. Противоречие между национальным и вселенским проявилось в ксенофобии и культурном изоляционизме московских царей. Русь политически и церковно противопоставилась Западу, неоправданно рассматривая себя хранительницей вселенской истины христианства. Усилилось противоречие между государством и «земщиной», государством и личностью. Сепаратизм земель был преодолен огромной ценой разрушения самодержавия основ земского самоуправления, личных и корпоративных свобод.

Главное содержание петровской и послепетровской эпох русской истории славянофилы видели в широком мировоззренческом и военно-техническом заимствовании у Западу. Этот процесс считался необходимым, целесообразным и политически эффективным, но разрушительным для российского социума и его идентичности. В политическом плане петровские преобразования создавали благоприятные внешние и внутривнутриполитические условия развития России. Создание могуществен-

ной империи, оградившей народ от чужеземного давления и тем обеспечившей возможность его самостоятельного развития, представлялось необходимым фундаментом общества, в котором реализуется единство людей в свободе. Петр I и его преемники (несмотря на отрицательные личные качества) смягчали противохристианскую жестокость Московского царства, внося элементы гуманности и милосердия в законодательство, политический быт и нравы России [17, с. 431].

Интеллектуальная европеизация, расширившая горизонт русского сознания и дисциплинировавшая мышление русских, оценивалась русскими религиозными авторами очень высоко. С другой стороны, западная наука, механически пересаженная на русскую почву, оказалась фактором аристократизации русского общества, расколотившего на господствующую европеизированную элиту и подвластную ей традиционную «почву». Трагедия культурного раскола страны состояла в том, что деление общества на просвещенные «верхи» и почвенный «низ» совпадало с разделением отечественного сознания на «науку» и «веру». Современная наука оказалась лишённой источника творчества, коренящегося в иррациональных пластах массового сознания, а низы общества, представляющие стихийное, иррациональное мировоззрение народа и его непосредственную жизнь, оказались законсервированными в своем вынужденном антиинтеллектуализме [4, с. 80–81].

Концепция «третьей силы» Вл. С. Соловьева стала новой вариацией русского мессианизма – идеи о спасительной миссии России по отношению ко всем христианским народам. России, по замыслу мыслителя, суждено примирить христианский Восток с христианским Западом, создав на почве православия основу для органического синтеза достижений двух цивилизаций, универсальную «вселенскую культуру» [9, с. 30].

Однако реальность русской истории демонстрировала, по его мнению, устойчивую тенденцию ориентализации страны, причиной которой автор считал влияние византийского православия. Односторонне созерцательное, оно оставляло общество во власти жестокой государственности, которое лишь инструментально использовало христианские ценности и символы. Финальным результатом византийского влияния стал «религиозный национализм» русских, выразившийся в идее «Святой Руси» как «Третьего Рима» – воинственного государства как единственного защитника подлинно христианской веры от еретического Запада и басурманского Востока, мобилизующего для этой борьбы силы народа методами восточной деспотии [9, с. 415–417]. Нормализацию русского исторического процесса и интеграцию России в мир христианских народов Вл. С. Соловьев связывал с отказом православной церкви от роли государственной религии, с признанием русским государством ценностей человеческой свободы и гуманистической культуры [9, с. 249–250].

Показательно, что любые коллективные попытки определить русскую идентичность усилиями массового сознания, всегда обусловленные текущими обстоятельствами и конъюнктурными соображениями, представлялись Вл. С. Соловьеву заведомо ошибочными. О несовпадении вечной, метафизической идентичности России с размышлениями этноса о собственном призвании он писал следующее: «идея нации есть не то, что она думает о себе во времени, но то, что Бог думает о ней в вечности» [10, с. 220–221].

Подобно большинству отечественных религиозных авторов, писавших о «русской идее» – творческом мессианском задании России, – Н. А. Бердяев традиционно усматривал его в объединении Востока и Запада, создании единой гуманистической культуры. Вместе с тем русская история оценивалась Н. А. Бердяевым в контексте постоян-

ного конфликта «русской идеи» и «русской души». Русская душа как эротическая конституция отечественной ментальности, определяет максимализм русских, их стремление к предельным целям, нежелание и неумение упорядочить сферу своего повседневного существования [3, с. 56–57]. «Русская душа», освобожденная в XX в. от символики «Третьего Рима» и подвергшаяся секуляризации вследствие политической дискредитации церкви, истолковала смысл «русской идеи» превратно, как идеал земного рая, т. е. атеистического коммунизма [1, с. 224].

Созданный Октябрем 1917 г. политический режим встал в оппозицию к «русской душе», изменив в ходе индустриализации антропологический тип русского человека, создав основу буржуазного отношения к жизни, чего, по мнению Н. А. Бердяева, не знала Россия Московского царства и Империи. В целом, полагал автор, большевистская революция сохранила дилемму «Восток – Запад» в русской истории, где политическая организация общества была фактором ориентализации, поскольку строилась как автократия [2, с. 116].

Апология Великой Русской революции сопровождалась указанием автора на преемственность русского исторического пути: СССР бессознательно принял духовную эстафету «Святой Руси», пытаясь реализовать некоторые стороны подлинной «русской идеи» – стремление к социальной справедливости и братству народов. Автор надеялся, что Россия освободится от коммунизма как религиозно ложного истолкования своей исторической судьбы, но всегда был уверен в том, что сохранение СССР является главным условием созидания мира христианского социализма и наступления «новой творческой эпохи» в истории человечества [2, с. 121].

Историко-культурный нарратив XIX–XX вв. продемонстрировал взвешенный подход русских мыслителей к решению проблемы социокультурной иден-

тичности России, избежав как соблазна апологии национализма, так и этнического гиперкритицизма.

Заключение. Проблематика историко-культурной идентичности России первоначально была сформулирована в рамках компаративистской парадигмы, положив начало спору западников и славянофилов о пределах и перспективах исторического транзита страны. Одним из результатов этого спора стало распространение идеологии «догоняющей модернизации» как эталонной концепции «русского европеизма». Христианская историософия выступила с принципиальной критикой синдрома транзитивности, проекта догоняющей модернизации и компаративистской парадигмы исследования российской

идентичности. Родоначальники славянофильства, а также Вл. Соловьев, Л. Карсавин и Н. Бердяев, считали основой национально-культурной идентичности России ментальные характеристики ее народа, сформированные православием как идеальной транскрипцией Вселенской Церкви, воплощающей идеал единства и свободы, гуманизма и социальной справедливости. Поиск социокультурной идентичности (подлинного «лица России») историками XIX–XX вв. сформировал несколько оценочных нарративов: модернизационный, революционный, интернациональный. Однако за всеми ими скрывалось стремление к бегству от неприглядного настоящего, трагического прошлого и неопределенного будущего страны.

Список источников

1. Бердяев Н. А. Истина и откровение. – М.: РХГИ, 1996. – 383 с.
2. Бердяев Н. А. Истоки и смысл русского коммунизма. – М.: Наука, 1990. – 224 с.
3. Бердяев Н. А. Судьба России. – М.: Прометей, 1990. – 240 с.
4. Гершензон М. О. Творческое самосознание // Вехи. Из глубины. – М.: Правда, 1991. – С. 73–96.
5. Зеньковский В. В. Русские мыслители и Европа. – М.: Республика, 1997. – 367 с.
6. Ивонина О. И. Концепция нового Средневековья Н. А. Бердяева // Вестник Томского государственного университета. История. – 2020. – № 63. – С. 123–129.
7. Ивонина О. И. П. Я. Чаадаев об эсхатологическом векторе русской истории // Peter Chaadaev: Between the Love of Fatherland and the Love of Truth (Ex Oriente Lux) / ed. By Artur Mrowczynski-Van Allen, Teresa Obolovitch, Pawel Rojek. – Pickwick Publication, 2018. – 219 p.
8. Ивонина О. И., Ивонин Ю. П. Восток-Запад в пространстве русской идеи. – Ч. 1. XIX век. – Новосибирск: Изд-во НГПУ, 2013. – 198 с.
9. Соловьев В. С. Сочинения: в 2 т. Т. 1. – М.: Правда, 1988. – 892 с.
10. Соловьев В. С. Сочинения: в 2 т. Т. 2. – М.: Правда, 1988. – 822 с.
11. Соловьев С. М. Избранные труды. Записки. – М.: Изд-во МГУ, 1983. – 438 с.
12. Соловьев С. М. Сочинения. – СПб.: Бр. Пантелеевы, 1882. – 537 с.
13. Струве П. Б. Критические заметки. К вопросу об экономическом развитии России. Вып. 1. – СПб.: Тип. И. Н. Скороходова, 1894. – 291 с.
14. Флоровский Г. В. Пути русского богословия. – Париж: YMCA-PRESS, 1937. – 574 с.
15. Хомяков А. С. О старом и новом. Статьи и очерки. – М.: Современник, 1988. – 461 с.
16. Хомяков А. С. Полное собрание сочинений А. С. Хомякова. – Т. 1. – М.: Тип. Бахметьева, 1861. – 522 с.
17. Хомяков А. С. Церковь одна. Опыт катехизического изложения учения о Церкви. – М.: Изд-во Свято-Тихоновского гуманитарного университета, 2018. – 448 с.
18. Чаадаев П. Я. Сочинения. – М.: Правда, 1989. – 655 с.
19. Эриксон Э. Идентичность: юность и кризис / пер. с англ., общ. ред. и предисл. А. В. Толстых. – М.: Прогресс, 1996. – 344 с.
20. Bilington J. H. The Icon and the Axe. An interpretive history of Russian Culture. – N.-Y., 1966. – 786 p.
21. Copleston F. C. Philosophy in Russia: From Herzen to Lenin and Berdyaev – Notre Dame (Ind.), 1986. – 462 p.
22. Eisenstadt S. N. The Construction

of Collective Identities and the Continual Reconstruction of Primordality and Sacrality. Some Analytical and Comparative Indications // Comparative Civilizations and Multiple Modernities. – 2003. – Vol. 1. A Collection of Essays by S. N. Eisenstadt. – P. 75–134.

23. Guibernau M. The Identity of Nations. Cambridge; Malden: Polity Press, 2008. – URL: <http://hdl.handle.net/2262/75835> (дата обращения: 25.01.2022).

24. A History of Russian Philosophy 1830–1930: Faith, Reason, and the Defense of Human Dignity / ed. G. M. Hamburg, A. Randall Poole. – Cambridge: Cambridge University Press, 2010. – 423 p.

25. Walicki Andrzej. A history of Russian thought from the Enlightenment to Marxism. Stanford: Stanford University Press, 1979. – 456 p.

References

1. Berdyaev, N. A., 1990. Origins and meaning of Russian communism. Moscow: Nauka Publ., 224 p. (In Russ.)

2. Berdyaev, N. A., 1990. The Fate of Russia. Moscow: Prometheus Publ., 240 p. (In Russ.)

3. Berdyaev, N. A., 1996. Truth and Revelation. Moscow: RKHGI Publ., 383 p. (In Russ.)

4. Gershenzon, M. O., 1991. Creative self-consciousness. From the depths. Moscow: Pravda Publ., pp. 73–96. (In Russ.)

5. Zenkovsky, V. V., 1997. Russian thinkers and Europe. Moscow: Republic Publ., 367 p. (In Russ.)

6. Ivonina, O. I., 2020. Berdyaev's Concept of the New Middle Ages. Bulletin of Tomsk State University. History, no. 63, pp. 123–129. (In Russ., abstract in Eng.)

7. Ivonina, O. I., Ivonin, Y. P., 2013. The East-West in the Russian Idea Space, vol. 1, XIX century. Novosibirsk, 198 p. (In Russ.)

8. Ivonina, O. I., 2018. Chaadaev on the eschatological vector of Russian history. Peter Chaadaev: Between the Love of Fatherland and the Love of Truth (Ex Oriente Lux) / ed. By Artur Mrowczynski-Van Allen, Teresa Obolevitch, Pawel Rojek. Pickwick Publication, 218 p.

9. Solov'ev, S. M., 1882. Essays. St. Petersburg: br. Panteleevs, 537 p. (In Russ.)

10. Solov'ev, S. M., 1983. Selected works. Zapiski. Moscow: MSU Publishing House, 438 p. (In Russ.)

11. Solov'ev, V. S., 1988. Essays: In 2 volumes. Vol. 1. Moscow: Pravda Publ., 892 p. (In Russ.)

12. Solov'ev, V. S., 1988. Essays: In 2 volumes. Vol. 2. Moscow: Pravda Publ., 822 p. (In Russ.)

13. Struve, P. B., 1894. Critical notes. On the question of the economic development of Russia. Issue 1. St. Petersburg: I. N. Skorokhodova type, 291 p. (In Russ.)

14. Florovsky, G. V., 1937. Ways of Russian Theology. Paris: YMCA-PRESS Publ., 574 p. (In Russ.)

15. Khomyakov, A. S., 1988. About the old and the new. Articles and essays. Moscow: Sovremennik Publ., 461 p. (In Russ.)

16. Khomyakov, A. S., 1861. Complete works of A. S. Khomyakov. Vol. 1. Moscow: tip. Bakhmet'eva, 522 p. (In Russ.)

17. Khomyakov, A. S., 2018. The Church is one. The experience of the catechetical exposition of the doctrine of the Church. Moscow: Publishing House of St. Tikhon's University for the Humanities, 448 p. (In Russ.)

18. Chaadaev, P. Ya., 1989. Essays. Moscow: Pravda, 655 p. (In Russ.)

19. Erikson, E., 1996. Identity: Youth and Crisis / translated from English, edited and prefaced by A. V. Tolstykh. Moscow: Progress Publ., 344 p. (In Russ.)

20. Bilington, J. H., 1966. The Icon and the Axe. An interpretive history of Russian Culture. N.-Y., 786 p.

21. Copleston, F. C., 1986. Philosophy in Russia: From Herzen to Lenin and Berdyaev. Notre Dame (Ind.), 462 p.

22. Eisenstadt, S. N., 2003. The Construction of Collective Identities and the Continual Reconstruction of Primordality and Sacrality. Some Analytical and Comparative Indications. Comparative Civilizations and Multiple Modernities. Vol. 1. A Collection of Essays by S. N. Eisenstadt. Leiden: Brill, pp. 75–134.

23. Guibernau, M., 2008. The Identity of Nations. Cambridge; Malden: Polity Press. Available at: <http://hdl.handle.net/2262/75835> (accessed 25.01.2022).

24. Hamburg, G. M., Poole, A., Randall, ed., 2010. A History of Russian Philosophy

1830–1930: Faith, Reason, and the Defense of Human Dignity. Cambridge: Cambridge University Press Publ., 423 p.

25. Walicki, Andzej, 1979. A history of Russian thought from the Enlightenment to Marxism. Stanford: Stanford University Press Publ., 456 p.

Информация об авторе

О. И. Ивонина, доктор исторических наук, профессор кафедры отечественной и всеобщей истории, Новосибирский государственный педагогический университет, ivonina@ngs.ru, ORCID 0000-0002-1953-0517, Новосибирск, Россия

Information about the author

Olga I. Ivonina, Dr. Sci (Hist.), Professor of the National and World History Department, Novosibirsk State Pedagogical University, ivonina@ngs.ru, ORCID 0000-0002-1953-0517, Novosibirsk, Russia

Поступила в редакцию 19.02.2022

Submitted 19.02.2022

Принята редакцией 15.03.2022

Accepted by the editors 15.03.2022